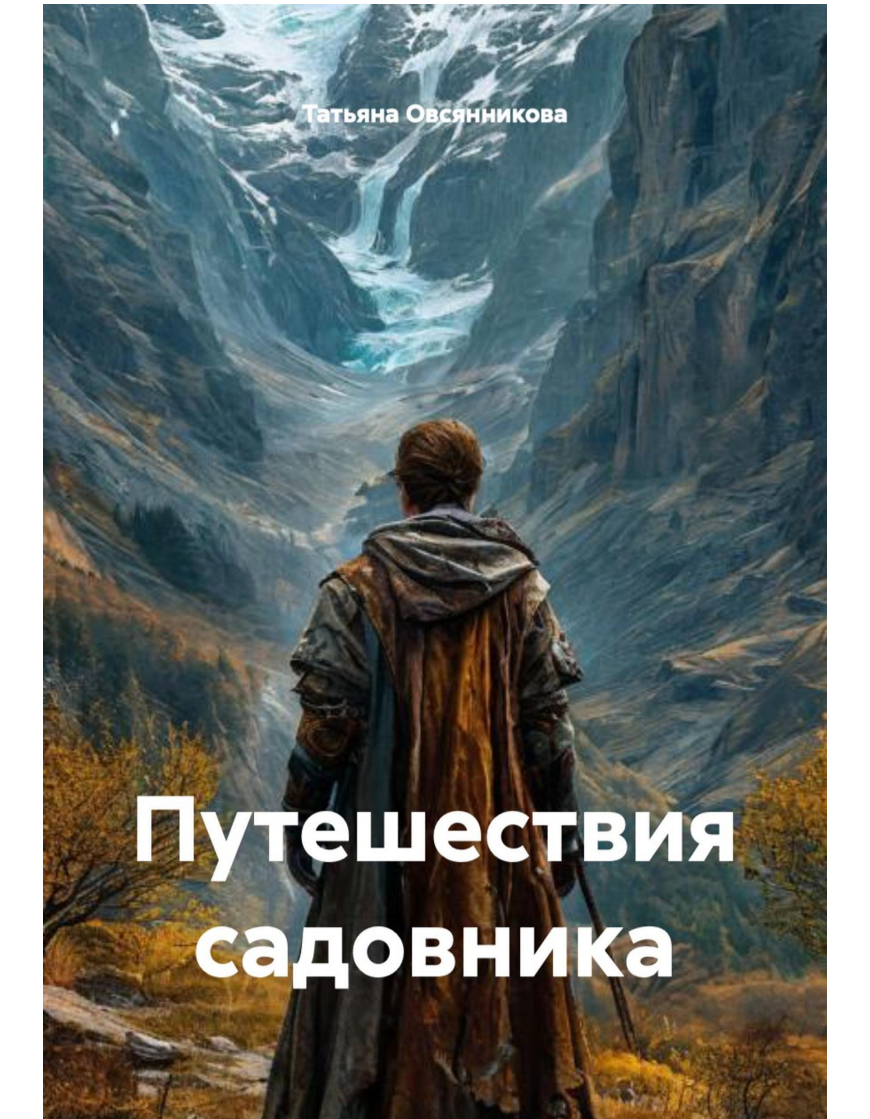

A person with their back to the camera, wearing a long, brown, hooded coat, stands on a rocky path. They are looking up at a massive, steep mountain range. A bright blue waterfall cascades down the center of the mountain, surrounded by rugged, grey rock formations. The sky is a deep, dark blue. The overall mood is one of awe and adventure.

Татьяна Овсянникова

Путешествия садовника

Татьяна Овсянникова

Путешествия садовника

<https://litres.ru/74048594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под влиянием обстоятельств главный герой решает изменить свою жизнь. В поисках идеи, которая поможет ему заявить о себе, он вспоминает о когда-то найденной им рукописи. Благодаря своей находке, он действительно достигает того, к чему стремился, не подозревая, что конечный, как ему казалось, пункт окажется началом пути. Пути, о котором он вряд ли когда-либо помышлял, и на котором его ждут потери и обретения

Татьяна Овсянникова

Путешествия садовника

Путешествия садовника

«Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Который есть, и был, и грядёт, Вездесущий.»

Исх 3:14 Откр 22:13

*Как призрачна надежда! Нить её
Невидима другим, для глаз их скрыта,
Она холодным разумом убита,
Для всех, покорных жизни опыту,
Та нить оборвана давно...*

*Нить Ариадны, не исчезни, не порвись,
И я вернусь к нему – всему Началу,
Туда, где моё имя к Жизни прозвучало,
Где встретят меня те, кто знал его.*

Примечание: здесь и далее, если не указано иное, стихотворения автора.

Глава 1 Про пункт, отсутствовавший в списке.

Кошка следила за женщиной, придирчиво оглядывавшей себя в большом, прислонённом к стене зеркале: «Если сумку возьмёт, значит, в магазин собралась... Так и есть. Я бы тоже с ней пошла, да денег - кот наплакал. Кот – он кот и есть: обрюхатил, и был таков... Ребятки, видно, в него уродились: пока землеройку караулила, разбежались кто куда. Зову их, зову...» Женщина, наконец, удовлетворённо улыбнулась своему отражению и взглянула на кошку:

-Ну, идём, что ли?

Та поднялась и направилась к двери.

-Вот и скажи, что они слов не понимают...

Кошек Наталья сроду не держала, и для этой тоже не сделала исключения – та прибилась сама. За лето они привыкли друг к другу, и кошка теперь изредка заходила в дом: посидит, посмотрит, и обратно - на улицу.

Кошка подождала, пока Наталья распахнёт перед ней калитку в ограде, разделяющей участка, и юркнула в высокие, всё ещё зелёные цветы, среди которых частенько пряталась летом, высматривая птиц.

-Ирина! Я до магазина! Может, нужно чего? – не дождавшись ответа, Наталья постучала. Соседка открыла. Отступила, пропуская пришедшую в дом.

-Не разбудила? Холодно у тебя. Не топишь ещё? Смотри,

не разболейся.

Прямо под окном принялась мяукать кошка.

-Котят своих ищет, - пояснила соседке Наталья. - Трех недавно навела. Матвей мне: «Куда столько?» Утопи, говорит, пока маленькие...

Матвей - бобыль, работавший сторожем в садоводстве - с весны стал захаживать к Наталье «на огонёк», и она старалась: обронил он в разговоре, что ему огурцы малосольные по вкусу, так она через пару дней к нему с угощением – попробуй, сама их вырастила, по особому рецепту засолила. Сказал Матвей, что Катька – вздорная баба, так она с Катькой дружбу водить перестала: пусть Матвей видит, что он для неё, Натальи, много значит, пусть поймёт, что та его жизнь, в которой присутствует Наталья, выгодно отличается от той, в которой её ещё не было. Да, выгодно отличается – так Матвей бы и сказал.

-Ну, я их в ведре и...прости, Господи, - она испуганно перекрестилась, - Один всё никак...

-Телефон, слышишь? Телефон. Звонка жду. Ты иди. Иди, мне ничего не надо.

Закрыв за соседкой дверь, Ирина подошла к окну. День выдался пасмурным, безрадостным. «Прямо как жизнь моя, - подумала, горько усмехнувшись, но тут же оборвала себя. – Мелю, дура...» Кошка снова затосковала: всё звала и звала, и Ирина вышла во двор:

-Не ищи, теперь уж не найти.

Кошка подошла, потёрлась о её ноги, потом снова жалобно мяукнула.

-Чего тебе здесь дожидаться? Зима впереди. Поедем в город – вдвоём веселее.

В городской квартире кошка перестала призывать своих пропавших детёнышей: теперь большую часть времени она проводила на подоконнике, уставившись вдаль.

-Зря ты так: у меня здесь уютно. Что ж, будем полагаться на время – оно, говорят, лечит, - заметила ей на это Ирина, но та по-прежнему оставалась неподвижной и, как казалось Ирине, безутешной.

Квартира действительно была уютной, к тому же, без какого бы то ни было преувеличения, в ней всё было новым. Несколько лет назад Ирина, полюбив *впервые в жизни*, ушла, не оглянувшись, от мужа – хорошего семьянина. Тогда, хмельная от счастья, она открывала заново свою женскую природу, в полной уверенности, что ни о чём не пожалеет. Родился ребёнок, но прожил совсем недолго. Ирина надеялась, что они с любимым станут утешением друг для друга, и когда-нибудь смогут смириться с утратой, но в один из дней он признался, что от него ждёт ребёнка другая, и что он *им* нужен. Странно, что она не сошла тогда с ума... После похорон принято не оставлять ничего из вещей покойного, а всё, что с ней было до этого - умерло. Последовал переезд на новую квартиру, в которую она не завезла ничего, *ни-че-го-шень-ки* из своих пусть даже и вполне ещё пригодных ве-

щей. Замена одного на другое тогда её хоть немного, но отвлекла. Оставалась только мать, которая ни о чём забывать не собиралась, и Ирина не пускала её к себе, виртуозно находя причины отклонять посещения матери раз за разом, а та, хоть и несколько встревоженная, терпеливо ждала, когда это «умопомрачение» у дочери пройдёт. *То, страшное*, произошло в жизни Ирины в начале осени, и с тех пор её ежегодное наступление становилось для неё гнетущим, сумрачным периодом. Этой осенью солнечных дней почти не случалось, к тому же, каждую ночь где-то плакал младенец. Не выдержав, Ирина решила справиться об этом у соседки, но та в ответ лишь недоумённо пожала плечами. Хроническая непогода, детский плач, который, как оказалось, слышит только она, и неподвижная фигурка на окне образовывали минорного звучания аккорд, лишавший Ирину покоя.

-Всё для тебя здесь не то, всё тебе чужое... Поедем-ка обратно, - сказала она кошке.

Накануне поездки позвонила Вера Петровна, дача которой располагалась на той же улице, что и дача Ирины. Узнав, что она собирается в посёлок, попросила взять её с собой. И да, не посчитает ли Ирина беспардонным, если к ним присоединится знакомый Веры Петровны? Что ж, пускай – ей, Ирине, не на себе их везти. На трассе, немного не доезжая населённого пункта «Вознесенское», на встречную полосу выехал большегруз и по словам очевидцев «буквально снёс двигавшиеся по ней автомобили». В одном из них находи-

лись Ирина и её попутчики.

Клим Югров в последнее время был, что называется, нарасхват, чему поспособствовало чужое саморазвитие. Что бы там не подразумевалось под ним другими, Клим был уверен: появившись вдруг возможность узнать, что на самом деле думают те, кто решил им заняться, то мир перестал бы заблуждаться на их счёт: «Послушайте, прекратите, наконец, плакать под моим окном – вы мешаете мне наслаждаться звучанием высших сфер. Пройдите чуть дальше – окон здесь предостаточно!»

Сначала в эту воронку затянуло отца: оставив жену с двумя малолетними сыновьями он ушёл жить на лесную заимку, призрев мирскую суету, а заодно с ней и родительские обязанности. Мать взваленную на неё ношу несла, не жалуясь. В памяти у Клима осталось, как бабушка, глядя на них с братом, говорит ей: «Ничего. Смотри, какие у тебя два добра.» Бабушка оказалась права: ничего с ними не случилось, они не пропали – выросли, усвоив, что слезами горю не поможешь. Клим был студентом, когда мать как-то перед уходом на работу предупредила:

-Сегодня в вечерних новостях будет сюжет о твоём отце. И, предваряя вопрос о том, откуда ей это известно, добавила:
-Случайно увидела анонс...

Клим отреагировал единственно правильным, как считал, образом:

-Надеюсь, про то, что его волки съели!

-Ты меня огорчаешь, - она сняла очки и потёрла переносицу, словно давая окружающему миру возможность вернуться к настройкам, сбившимся на какое-то время.

В то время как обросший, в длинной рубашке навывпуск мужик, в котором с трудом можно было узнать отца, рассказывал корреспонденту о своём житье-бытье, на заднем плане появилась женщина на сносках, и, повозившись во дворе, скрылась в доме. Клим всё поглядывал на мать, но та к очкам ни разу не потянулась. «Мать моя - святая женщина,» - заключил он.

Отец перестал быть частью его жизни, когда Клим был совсем ещё мал, поэтому его отсутствие воспринималось Климом, как исходные данные задачи, и переносилось со спокойствием человека, с рождения страдающего каким-то недугом и не знавшего других дней. Следующая потеря, ставшая следствием саморазвития, причинила Климу боль: Соня, та единственная, которую перед Богом и людьми он собирался назвать женой, как раз незадолго до этого события объявила, что брачные узы станут для неё путами, и что свобода – обязательное условие для него, проклятого. Клим тогда сделался сам не свой, а Михей заметил:

-Хорошо ещё кольцо для помолвки не успел купить: в ломбардах платят только за драгметалл, а за камешек – извините...

Не то что бы Михей, с которым они дружили, сколько

Клим себя помнил, был толстокожим и чересчур расчётливым, просто таким щадящим образом он хотел сказать Климу то, что тот не готов был ещё услышать: «Плюнуть и растереть. Забудь.» Клим же снова и снова пытался определить причины, по которым Соня посчитала его тупиковой ветвью своего развития, но особых несовпадений во взглядах припомнить не мог, разве что те, что касались его работы, а точнее – зарплаты. Работа была не так чтобы прибыльная, но зато обещала перспективы, хоть и далёкие.

-И как мы будем существовать на твою зарплату? Могу вообразить: «Что на этот раз? Колготки? Я же покупал тебе одни в прошлом году! Неужели сносила?»-и она заходила от смеха, в полном восторге от своей прозорливости. Конечно же, Клим хотел сделать Соню счастливой, и собирался подтверждать это неустанно, к тому же, хоть красота её и отличалась какой-то «нездешностью», изысканной меланхоличностью, что ли, ей, всё же, так шли все эти «земные» безделушки, эти наряды, туфли и сумочки. Клим считал, что если бы Ассоль существовала, то была бы, без сомнения, похожа на Соню, Михай же подозревал у Сони гипотонию, из-за которой той постоянно хотелось спать, чем и объяснял её «потусторонний» вид. Клим, решив быть тем, кто станет исполнять Сонины мечты (которые Михай называл «сонными мечтами»), на пути к этому сделал несколько поспешных, как потом оказалось, шагов: уволился и продал дом, оставленный ему бабушкой.

Позже, рассматривая фотографии с пляжей и клубов, которые Соня не ленилась выкладывать, Михей заметил:

-А Ассоль-то заматерела..., - на одной из них Соня, расслабленно улыбаясь, показывала миру средний палец, отличавшийся несомненным изяществом в сравнении с пальцами окружающих её весёлых чужестранцев с дредами.

Вернуться на прежнее место работы у Клима не получилось: начальница заявила, что теперь, наконец, поверила в существование справедливости - Клим пожинает плоды своего выбора. Она так много вложила в его обучение и подготовку, а он своим уходом вонзил ей нож в спину. За полгода Клим сменил несколько мест работы – предприятие либо объявляли банкротом, либо он попадал под неожиданное сокращение. Когда заканчивалась вторая из проводимых Климом в унылой праздности недель после очередного увольнения, Михей, не терпевший ничего затяжного, вытащил его посидеть в кафе. После нескольких чашек кофе с коньяком Клим признался:

-Вместе с Соней из моей жизни ушла и удача...

-Хочешь их вернуть?

-Хочу, чтобы она пожалела о том, что меня бросила.

-Просто разжиться деньгами для этого недостаточно. Нужно, чтобы фотографий твоего успеха было в сети больше, чем у неё.

Вернувшись домой, Клим достал с антресолей одну из коробок, привезённых из бабушкиного дома: ту, в которую он

сложил документы, старые письма и папку, хранящую чьи-то записи. Клим наткнулся на неё в старом комодике, выкрашенном когда-то в голубой цвет – такой точно, как и массивные, собственноручно сколоченные ещё прадедом табуреты. «А ты как думал – гарнитур,»- подбоченясь, подмигивала маленькому Климу бабушка. Верхнюю полку комодика делили кружки, в большинстве своём с отбитыми краями, заварник, на крутом боку которого пламенел дивный цветок с золотыми тычинками, такая же сахарница с остатками потемневшего сахара и стопка тарелок, среди которых не нашлось и двух одинаковых. Чтобы заглянуть на нижнюю полку, Климу пришлось встать на колени: среди старой кухонной утвари, отслужившей своё, но милой сердцу хозяйки, он обнаружил пару связанных бечевой кенег и завёрнутую в отрез толстой парусины папку. Тогда, устроившись прямо на полу рядом с комодиком, он принялся разбирать её содержимое: сверху лежало несколько вырезок из газет, издаваемых во времена, когда в употреблении ещё были «яти», а под ними – стопка исписанных мелким неразборчивым почерком листов, пожелтевших от времени. Тогда Клим успел прочесть лишь несколько из них – за день нужно было успеть вывезти вещи по договорённости с новыми владельцами дома, к тому же текст изобилдовал символами, которые автор использовал для замены определённых слов, то ли ленился писать их раз от разу, то ли по давно заведённой привычке, установившейся со времён учёбы в некоем, возможно,

заведении, и это ещё больше затрудняло прочтение. Сейчас Клим не был ограничен во времени и мог ознакомиться с полным содержанием своей находки. «Выдержав полулекарский экзамен, сдаваемый после того, как студентам заканчивали читать теоретические естественнонаучные предметы, я приступил к занятиям в клинике старших курсов, куда принимались больные, давшие согласие на изучение своих болезней. Группы студентов следовали за ассистентами профессоров, те же, остановившись возле того или иного больного, сначала сообщали будущим врачам его диагноз и описывали симптомы заболевания, а после предлагали студентам осмотреть больного самостоятельно. Закончив осмотр пациента, которому вскоре предстояла операция на брюшной полости, группа, в которой был и я, двинулась дальше. Кто знает, что в лице моём привлекло внимание несчастного, только он вцепился в край моего халата, стараясь удержаться. У этого не старого ещё человека диагностировали, кроме прочего, слабое сердце, и хлороформирование ему было не показано, с другой же стороны, сердце пациента могло не выдержать вмешательства «на живую». Решив, что он из-за такой неопределённости страшится исхода операции, я, не слишком-то уверенный в том, что говорю, принялся его подбадривать, но он даже не дослушал моих слов:

-Послушайте, возьмите его... Подержите пока у себя, чтобы он не пропал, а после – вернёте... Сделайте одолжение!

Он попросил помочь ему приподняться и сдвинуть по-

душку. Под ней я увидел свёрток: один Бог знает что укутано было в мужскую сорочку и перевязано полосками ткани, оторванными, судя по всему, от неё же. Мои худшие опасения по поводу исхода операции оправдались – пациент скончался. О родственниках своих он ничего не сообщил, и мне волей-неволей пришлось оставить доверенный моей заботе свёрток у себя, чтобы позже определиться, как поступить с его содержимым. Сплёнутая, подобно младенцу, то была рукопись. Почему я не избавился от неё тогда же? Причин тому нашлось несколько. Во-первых, во мне сильны были привычка учиться и стремление постигать, а это была рукопись, содержащая, возможно, чьи-то знания и опыт. Во-вторых, тогда я ещё не был защищён непробиваемым хладнокровием, обусловленной профессией «бесчувственностью», требующейся в работе врача: я помнил измождённое лицо владельца рукописи и его глаза, выдающие страдание. Наконец, мне не чуждо было любопытство. Моему негаданному обретению пришлось дожидаться своего часа: занятия в университете отнимали всё моё время, и к изучению текста я приступил только после окончания медицинского факультета, приехав в имение к тётушке – сестре матери. Попавшая ко мне по воле, надеюсь, Провидения, а вовсе не злого рока рукопись была на латыни. Бумага местами почти истлела и требовала бережного обращения, грозя превратиться в труху от малейшего неосторожного прикосновения, поэтому я не оставлял своего занятия ни на минуту из опасений ли-

шиться попавших в мои руки записей безвозвратно. Я чувствовал, что стою перед дверью в мир, скрывающий новые для владеющего рукописью возможности, оставалось только набраться решимости открыть её и ступить через порог. Что же заставило меня побороть в конце концов свои колебания? Мой врачебный опыт на тот момент ограничивался опытом, полученным во время кураторства над больными в клинике, а их набиралось не более двух десятков. У разных болезней имелись схожие симптомы, и в силу того, что я был скорее теоретиком, чем тем, кто может действительно оказать необходимую помощь, меня охватывали страх и неуверенность – меня пугали призраки будущих неверно поставленных мною диагнозов. Совмещение знаний, содержащихся в рукописи, и тех, что я получил, обучаясь медицине, создало бы некое иное направление: я был не против, чтобы с серьёзными случаями обращались к моим опытным и зарекомендовавшим себя коллегам, в то время как ко мне шли бы с несколько иного рода проблемами. Верхние слои общества сочли бы предлагаемое мною в лучшем случае экзотикой, в народе же удивительным образом сочетались религиозные верования с язычеством: я наблюдал, как в рождественский сочельник возле каждой избы жгли костры из навоза и соломы, чтобы «погреть ножки родителям» - усопшим предкам, перед Крещением обходили скот, выпущенный из хлева с топором для защиты от нечистой силы, а на Пасху во время литургии девушки шептали: «Дай мне жениха хорошего, в сапогах да с

калошами, не на корове, а на лошади», картёжники же брали с собой в церковь «винный туз», и когда первый раз проносились «Христос воскресе!», отвечали «Карты здесья!», во второй же раз – «Хлюст здесья!», а в третий – «Тузы здесья!» для везения в карточных играх. И это только малая толика проводимых обрядов и магических действий! Но как бы это не расценивалось священнослужителями, для моих семян это была подготовленная и благодатная почва. Тётушка, узнав, что я собираюсь заниматься здесь врачебной практикой, решила выделить мне флигель, чему я был несказанно рад. Теперь мне нужен был глашатай – первый пациент, который оповестит всех о случившемся с ним чуде. Вскоре ко мне обратилась Анна Гранёнова – молодая женщина росту высокого – выше иного мужика, с молочно-белой кожей и россыпью веснушек на лице. Мать её страдала мигренью, и я спросил, становится ли большая часть головы больной красной или же белой? Получив ответ, прописал на покрасневшую часть делать холодные примочки, а ноги больной в это время ставить в таз с горячей водой. К сему назначил вдыхать смесь камфорного и нашатырного спирта в равных частях и принимать два раза в день по 10 капель очищенного скипидара на кусочке сахара. Самой Анне посоветовал протирать веснушчатую кожу водочным настоем огуречных семян, а на нос несколько дней подряд надевать кожу с яйца, что под скорлупой. Потом поинтересовался, не трудно ли ей одной управляться с хозяйством, ведь мать ей уже не по-

мощница. Она призналась, что ещё пара рук ей не помешала бы. Тогда я предложил провести обряд плодородия, чтобы при любых превратностях погоды быть с урожаем, и Анна, смущаясь, согласилась. К тётушке приходил подлатать то одно, то другое в хозяйстве Немтырь – молодой неженатый мужик высоченного роста, молчун, из которого слова клещами было не вытянуть. Я угостил его квасом, и пока он неспеша пил, поинтересовался, как ему кажется Анна. Услышав, что она «баба хорошая – работающая, и хозяйство у неё крепкое, с урожаем они, опять же, всегда», посоветовал через два дня пробраться незамеченным к ней во двор, чтобы самому увидеть обряд, проводимый для получения прибыли во всём. Во время обряда Анна, распустив волосы и обнажившись до пояса, семь раз обошла вспаханную землю с глиняным горшком, полным молока, повторяя при этом: «Мать-кормилица родная! Семя ты в себя прими, урожаем надели!» Когда седьмой круг был завершён, женщина разбрызгала по земле молоко, олицетворявшее молоко небесное – дождь, а после легла на землю, раздвинув ноги, что должно было означать готовность к оплодотворению:

Дождь, дождь!

На бабину рожь,

На дедову пшеницу,

На девкин лён

Поливай ведром!

Надо ли говорить, что это оказалось надёжнее, чем в день

Пасхи первой попасть на колокольню и ударить в колокол: вскорости Немтырь заслал к Анне сватов. (*далее часть листа повреждена.*)... Для того, чтобы заручиться помощью и покровительством этой силы, (а возможно и стать её частью), необходимо было провести ритуал посвящения, или, если хотите, своего рода жертвоприношение, при котором «в жертву» приносилась чистота невинной девушки. Перед этим мне следовало поднести этой избранной заговорённый плод – грушу, от которого она должна была откусить. Вскоре я заметил одну юную прелестницу, и стал стараться сближаться с ней как можно чаще, она же при этом вся трепетала, подобно осиновому листочку на ветру, выдавая тем самым свою неискренность. Я воцеловывал её, грезил ею. Представлял, как выпиваю эту её чистоту, впитываю в себя жемчужный свет, от неё исходящий, и она становится огнём, вакханкой – необузданной, искусной. Это было, как наваждение... Что ж, этот день настал - она покорила меня, уступила моим желаниям, которые раз от разу становились всё более изощрёнными, но после прекрасная моя рабыня терзалась раскаянием, помышляя себя, как грешницу из грешниц, не заслуживающую прощения, и меня какое-то время увлекала эта игра: встречая её сопротивление, продиктованное раскаянием и сожалениями о закрытых для неё навсегда дверях рая, снова подчинять себе её волю. Но всему приходит конец, и вкус нектара на её губах был мною забыт. К тому же, стояла вторая половина осени, и тяжёлое свинцовое

небо всё больше наводило на мысли о скором снеге. Новая весна должна была принести с собой цветение, за которым последует созревание новых плодов, сочных и дурманящих своим ароматом, и тогда я снова почувствую вкус нектара на чьих-то губах. Чьих? Кто знает. Теперь я мог выбирать, убедившись, что обладаю некоей властью над ними – своими «прихожанками», ищущими у меня исцеления, и тут, надо заметить, полученное мною медицинское образование нередко помогало, соединяясь с рецептами и способами из попавшей ко мне рукописи. К тому же весна была временем проведения обряда «оплодотворения земли», и я ожидал наплыва вдов и солдаток, решившихся на его проведение... *(далее часть листа повреждена)* ...Возможно, если бы мой голод этой ночью не был утолён... Но, к несчастью для бедняжки, это было не так: моя новая пассия, эта дикая кошка Настасья, отпустила меня чуть живого, на прощанье пригрозив прирезать, вздумай я променять её на другую. После свиданий с Меланьей такая страстность была для меня, как перемена блюд на званом обеде, и я был весьма этим доволен. Увы, ни дебелое мягкое тело, ни маленькие груди с розовыми сосками и округлые бёдра моей гостьи не могли меня зажечь – я не хотел её. Я не желал её больше. На эту ночь у меня нашлась отговорка: мол, для завтрашнего лечения я должен воздерживаться от соитий и тяжёлой пищи, но всё же нужно было как можно скорее найти способ покончить с этим раз и навсегда, чтобы это бледное видение,

эта утопленница, словно вызванная к жизни лунным светом, не преследовали меня больше. Я, как мог, избегал встреч с Меланьей, но в один из дней, набравшись, видно, решимости, она преградила мне дорогу: «Сударь, мне нужно сказать Вам...» «Конечно, но не здесь,» - и я увлѣк её за собой. Вскоре мы уже были в нашем укромном уголке, и я начал раздевать её, закрывая рот поцелуями – так, что она не могла, а потом уже и не хотела вымолвить ни слова. Лицо её было бледным, а глаза показались мне припухшими, но зато грудь стала ещё более упругой, что и отвлекло меня от прочих мелочей. «Да ты ещё больше налилась, того и гляди сок брызнет,» - шептал я ей на ушко. Вскоре приятная часть нашего свидания закончилась, и я, предчувствуя, что за ней последуют слѣзы и упрѣки: «Вы погубили меня, Модест Петрович», сорвав плод, поспешил покинуть сад. В последующие дни, завидев Меланью, я начинал флиртовать с другими девушками, делая вид, что не замечаю её...»

Остальные листы содержали описания неких рецептов, а также порядок проведения странных, по мнению Клим, действий и ритуалов с указанием условий, которые должны были неукоснительно соблюдаться при их выполнении: *«Перед тем, как присоединиться к числу практикующих посвящённых, убедитесь, что сие занятие оправдывает ваши ожидания. С этой целью отправляйтесь ночью в поле и надѣргайте в нём различных трав с корнями – рвите растения, пока двенадцать раз читаете приведѣнный ниже заговор. Принесите растения до-*

мой, не отряхивая оставшейся на корнях земли – её нужно будет собрать в какую-нибудь ёмкость. Хороший знак, если земли наберётся с два стакана. В дальнейшем перед сбором трав для лечебных целей необходимо три дня говеть, и отправляться за травами до восхода солнца. На месте обратиться к земле с просьбой: «Земля-матери, благослови меня травы брати, и трава мне матери!» На обратном пути ни с кем не разговаривать.

... Стиракс (*Styrax benzoin*): используется для очистительных процедур (окуривать комнату, где находится больной), а также для процветания в делах (эффект превзойдёт все ожидания, если удастся раздобыть следующие усиливающие составляющие...)

... В полнолуние обратившаяся к вам за помощью дама должна представить господина, завладевшего её мыслями и чувствами, в потоке лунного света, повторяя при этом: «Свет ночной! Обручи (имя) со мной, на других глаза его закрой!» К сему рекомендуйте пить отвар из луковой шелухи с горстью ягод шиповника, а в двенадцатый лунный день...

... Накажите обратившейся за помощью даме принести горсть семян подсолнечника, пролежавших ночь под её подушкой. Далее, увидев «ухаживание» голубя за голубкой, кинуть птицам семена, приговаривая: «Как этот голубок за голубкой, так и (имя) за (имя дамы)» Даме рекомендовать держать на подоконнике вазу с цветами мальвы...

...Над спелым плодом груши предварительно прочитайте

заклинание (под № 6 из раздела 3). Предложите подготовленный плод выбранной вами особе (съев, она должна почувствовать плотское желание). Если вы достигли в своей практике должного уровня, то вскоре увидите, как она девица танцует под грушевым деревом...

... Взять цветок иван-да-марья, отделить жёлтые цветки от синих, над первыми прочитать (№ 5 из раздела 2), над вторыми же (№ 6 из раздела 2). Дать выпить напиток с заваренным в нём синим цветком (олицетворяющим воду) господину (имя), а напиток с заваренным в нём жёлтым цветком (олицетворяющим огонь) – даме-разлучнице, после чего следует ожидать возвращения господина (имя) в лоно семьи: вода, как известно, огонь гасит...

...Попросить даму, обратившуюся к вам за помощью, принести достаточное количество лапчатки прямостоячей, заготовленной не более 3-х лет назад. Пусть дама в вашем присутствии совершит ритуальное омовение (в соответствии с наступившим лунным днём), после чего с сердечным пылом прочтёт над принесённым сырьём следующее: «В подвосточную сторону пойду, избу старую найду, в той избе лежит доска, а под нею спит тоска. Я тоску ту разбужу, да помочь мне попрошу. Плачь, тоска, рыдай, тоска, бела света дожидаясь, свет пусть красна солнышка играется-дожидается – веселится да буянится! Так меня бы (имя дамы) дожидался да радовался, не мог без меня ни жить, ни пить, ни спать, ни есть, ни на утренней заре да

ни на вечерней, ни в обыден да ни в полден, ни при частых звёздах да ни при буйных ветрах, ни в ясен день при солнце, ни в тёмну ночь при месяце (имя воздыхаемого господина). Впивайся тоска в грудь-сердце (имя господина), разродись по всем его жилочкам, по всем его косточкам маевой по (имя дамы).» Далее лапчатку добавить, предварительно изготавив отвар, в любое питьё для (имя господина)...

...Если к вам обратится за помощью в разрушении любовных чар господин, рекомендуйте ему обливания колодезной водой (по три раза в предрассветный час в течение недели), а также раздобыть свежий цветок белой лилии и носить при себе, пока не полегчает. Также помогает женишьба...»

Клим ждал Михея в кафе:

-У меня есть кое-какие задумки. Ты со мной?

-А когда было по-другому?

После того, как Клим закончил излагать, решимости у Михея поубавилось. Клим воспринял сомнения друга, как отказ:

-То есть ... -Да ничего подобного! Деньги – твои, так что финансово я ничем не рискую, может, даже веселье получится, а придётся отвечать – на всех вину поделим. Шучу я. Раз идея есть, нужны образ и имя. Как говорится, «как корабль назовёте, так он вам и поплывёт.»

-Стиракс.

- Почему «Стиракс»? Просто смахивает на название како-

го-то средства бытовой химии. - Уймись, дилетант, - Климу не хотелось сразу вдаваться в подробности, и он ограничился обещанием, что когда ещё кто-нибудь захочет получить ответ на этот вопрос, то у Климона он готов.

Нужен был свой сайт, и они нашли Лену Летову, которая создала сайт «Стиракса», потом нашли хорошего фотографа для своего сайта, и это был Паша Тарасов. У них получилось.

Мать, в последние месяцы видевшая сына неизменно пребывающим в отчаянии и с потухшим взором, сказала только: -Климушка-Климка, куда ж ты свою голову засунул? Травы эти... Где в своей жизни ты видел траву кроме той, что растёт на газоне?

-Ну, не скажи. А у бабушки? Под потолком всегда были развешены пучки каких-то трав.

-Ты тогда был совсем маленьким...

-Но я это помню!

-Что ж, у лжеца должна быть хорошая память.

Как-то Михей поинтересовался:

-Ты сам-то во всё это веришь?

-А вот это, как раз, не принципиально. Главное, что верят они. Кто-то приходит, потому что чувствует, что в жизни нужно что-то изменить, кто-то решил доказать себе или другим свою ценность.

-Хочешь сказать, они сами всё делают?

-По большому счёту – да. А ещё - нам в помощь - некоторые вещи проверить бывает довольно сложно: может, это

ты ритуал провёл, а может, просто год урожайный выдался, а все тебя благодарят. Опять же, если год неурожайный, всегда можно найти причину, по которой ритуал не сработал: ингредиенты были сомнительного качества, или участники ненадлежащим образом подготовились...

Зачастую их нужно было лишь немного направить: посоветовать, например, пить отвар коры осины и убрать из спальни все фотографии детей и собственных родителей. Горечи полезны всегда и всем, а с фотографий на вас днём и ночью устремлены взгляды, способные, словно ушат холодной воды, погасить любой огонь, оставив нетронутыми лишь мысли о стыде и о долге. Запустить процесс «самоисцеления» могло даже упоминание о поразительном сходстве с французской актрисой из старых фильмов: средство, отлично обеззараживающее это «хороша никогда не была, но молодая была». К тому же, присущее ритуалам нечто древнее и от этого безудержно манящее, то сокровище, чему ты, в отличие от прочих, стала сопричастной, хоть на какое-то время позволяло забыть о том, что стало причиной «болезни». Способностью «считывать» то тайное, что никогда не должно было подняться из глубин сознания на поверхность обладала Валентина – полная невысокая шатенка с неизменно забранными в хвостик гладкими волосами. Каждую неделю её гардероб пополнялся новой толстовкой (или футболкой – в зависимости от сезона) – в этом она не изменяла себе даже по праздникам, когда все ждут от женщины преображе-

ния. Как она у них появилась Клим не помнил – возможно, её пригласила Лена, которой Валентина обычно помогала. Михей почему-то считал, что у Валентины психолого-педагогическое образование. «Это хорошо, - сказал Клим. - Даже очень хорошо: дипломированный специалист с университетским образованием послужит репутации «Стиракса»- у всех отпадут сомнения, не шарашкиной ли конторе они доверяются. Пусть Лена добавит информацию о Валентине в раздел «Сотрудники»». Дополнительных сведений в разделе о сотрудниках так и не появилось, потому что диплома у Валентины не было. Да, она поступала-поступила- училась и даже почти доучилась, но... помешали обстоятельства непреодолимого свойства. Как бы там ни было, женские души она препарировала прекрасно, и о дипломе никто больше не вспоминал...

... За окнами машины мелькали потемневшие стволы деревьев обнажившегося леса. Разговоры в салоне стихли: они выехали за город, и Вера Петровна не хотела отвлекать женщину за рулём от дороги, полагая, к тому же, что Климу необходимо сконцентрироваться перед началом действия, он же обдумывал, как объяснить клиентке, почему ритуал, к проведению которого он ещё не приступал, не сработал. То ли Клим её невнимательно слушал, то ли всё не так понял, но теперь это уже не имело значения: оплата его услуг была произведена, и больше половины пути осталось позади. Они направлялись на дачу Веры Петровны, чтобы опреде-

лить, где именно на её участке находится «сердце земли» с последующим проведением ритуала на обретение здоровья. Клим помнил, как разъяснял Вере Петровне, почему его лучше проводить в определённый лунный день (который наступил как раз сегодня), что два дня до этого нельзя есть грибы и животную пищу, злобствовать, безудержно веселиться, а накануне необходимо провести ритуальное омовение: встав в таз с водой, начинать мыть тело, проводя мочалкой снизу вверх, начиная с левой ноги. Ко всему этому стоит помнить, что несмотря на все приложенные ими обоими усилия, можно не получить высшего благоволения, на что укажет появление «зловещих знаков». Вера Петровна всё от него услышанное безропотно приняла и даже выполнила. Проблема была в том (и это выяснилось только в машине), что в оздоровлении нуждалась не сама Вера Петровна, а её супруг, находящийся на данный момент в коме. Обнадёживать же отчаявшихся, хватающихся за любую, пусть даже совершенно сомнительную возможность спастись людей, было чертой, которую Клим переходить не хотел. Узнай он обо всём своевременно, можно было бы организовать, чтобы за воротами голосила «плакальщица» — одна из подруг Михея. Теперь же приходилось наспех выбирать из «зловещих знаков» списка, включающего в себя:

- тревожный крик птицы или же появление птицы хищной (коршуна, например);
- внезапно набежавшие тучи, скрывшие солнце, вообще

осадки;

- плач ребёнка (женщины);

- порвавшееся во время проведения ритуала ожерелье на шее Клим, изготовленное из оникса;

- лай или вой собаки;

- копящие восковые свечи (что говорило о присутствии нечистой силы);

- ритуальный костёр, который никак не хотел разгораться.

На крайний случай всегда можно сообщить, что на месте, где располагается «сердце земли», стоит хозяйственная постройка. Увы. Клим всё ещё раздумывал, что же выбрать, чтобы выглядеть наиболее убедительным, когда вылетевший на встречную полосу большегруз избавил его от этой необходимости.

Примечание: в Пасхальную неделю девушки совершали различные магические действия, чтобы приблизить сватовство, одно из них – в день Пасхи первой попасть на колокольню и ударить в колокол.

Глава 2. Вовне.

Она плавала в мглистом пространстве, словно чья-то могущественная рука закинула её на затянутое тучами небо, в которых не видно было просвета. «Плавала» - именно так это ею ощущалось.

-Чудненько, ты уже начинаешь понимать, что предполагать существование формы или движения здесь бессмыслен-

но. Общение происходит посредством передачи мыслей..., - голос напомнил ей шуршание опавших листьев.

-Ты кто?

-Подумай. Можешь не торопиться: время есть – вечность, как никак...

-Я... Я что...?

-Какая нерешительность!

-Значит, вот это как...

- Сколько разочарования...

Она *ощутила*, что он хихикает.

-А ты... Ты он? Она? Оно? – у неё не было полной уверенности, да и кто знает, как здесь всё устроено.

-Какая разница? К тому же, здесь нет различия по половым признакам: всё это присуще оставшемуся *там*, за пределами.

«Как же... Это что - навсегда? Навечно... Навечно пропасть здесь... Я этого не вынесу!» - наверное, она сейчас рыдала бы, будь у неё такая возможность.

- Вынесешь, конечно, возможность выбора тоже осталась там – за пределами, - он, кажется, ликовал.

-А ну, пошёл! Убирайся, не то прибуду!

-Любопытно... Каким же образом?

Когда отчаяние улеглось, она поинтересовалась:

-А другие... Другие-то как же? Процесс ведь безостановочный. Где другие? Или у каждого своя мгла?

Тут она услышала женский голос - ровный, поставленный,

словно где-то работало радио:

-...опрос проводился среди нескольких десятков человек, перенёсших состояние клинической смерти. Полученные описания увиденного в этом состоянии разнились: верующие, какую бы религию они не исповедовали, описывали живописные места, яркие картины, наполнявшие их радостью. Те, кто не задумывались о том, что будет после того, как они покинут этот мир...

-Где она? Откуда это доносится? – обрадовавшись, она больше не слушала.

-Опять ты за своё...Нет здесь никого. И не будет...Напрасно ты недооцениваешь одиночество. В нём есть свои плюсы – никто тебя не предаст, не разочарует, не причинит боль...Одиночество надёжнее, в нём нет ничего, кроме предсказуемости. Не из-за этого ли вы пополняете списки пациентов – из-за страха перед тем, что уготовано вам завтрашним днём?

Её снова охватило смятение. Если вне себя искать ей здесь нечего, значит, остаётся одно – обратиться внутрь, держаться за воспоминания. Надолго ли их хватит? Хороши ли они? Хотя, когда закончатся прекрасные и радостные, в ход пойдут любые. Жаль, что она не позаботилась об этом раньше...Знать бы, заполнила бы ларчик доверху. Путешествия, интересные знакомства, прочитанные книги - когда она затрёт эти воспоминания до дыр, занюхает их, заездит, обесцветит, что обнаружится под этой трухой? То, чего она не

хочет касаться – правда о себе. Остаться один на один с самим собою... До того, как оказаться здесь, она изредка оглядывалась на себя - *ты*, но, испытывая или стыд, или сожаления, сразу говорила себе, что, она, всё же, изменилась, и переключалась на другое. Здесь переключать внимание было не на что и не на кого. Кроме, конечно, этого странного собеседника, который хотел, чтобы, осознав своё положение, она стала от него зависеть. Противясь этому, она всё же попросила:

- Верни... радио.

-Нет. Ты демонстрируешь полное пренебрежение, и это плата за мою попытку ответить на твой вопрос.

-Ну хорошо, валяй, отвечай.

-Не сейчас...

-Да и... Тебе нужнее – всё равно кроме меня, мыслями здесь перекинуться не с кем.

Какое-то относительное, конечно же, время мглу не пронизывала ни одна мысль – стояло полное безмыслие.

-Твои растерянность и отчаяние по меньшей мере странны: вам же...

-Ага, не выдержал! – она торжествовала.

И опять установился мысленный штиль.

-Вам же позволено иметь волю, выбор..., - снова нарушил он тишину.

-Ты затыкаешься в воспитательных целях, я правильно поняла?

-Не удивительно, что ты здесь. Вам дана воля выбирать. Странно, что вы не понимаете, что это касается и того, что будет *после*. Что выбрала, то и получила.

-Ничего я не выбирала.

-Это, к твоему сведению, одно и то же.

Её накрыло запоздалым сожалением, почти раскаянием:

-Дура! Сама себя сюда определила! Ах, если бы...,- ей вдруг показалось, что во мгле образовался просвет. Образовался и тут же исчез, успев, всё же, зародить в ней надежду: мрачная определённость могла, всё же, стать неопределённостью.

-Хватит!- «взвизгнул» вдруг невидимый собеседник. - Осознай, что ты здесь навеки и уймись, наконец.

-Я...я позову, – намерение её лишено было решительности, но отчаяние и отсутствие перспектив на этот раз сыграли несвойственную им роль. - Я позову! Он услышит! Не может не услышать!

Она вдруг увидела своего собеседника: словно детская рука нарисовала то ли льва с лисьей мордой, то ли лису с неопытным подобием львиной гривы - свалявшимися редкими клочьями.

-Льва, - уточнил тот, кто обитал в этой мгле.

-Ну, не знаю, если только карманного, - осмысливала она слишком быстро растворившийся образ. – Противный, всё же, какой-то...Лукавый. Ты никак меня от моего намерения отвлечь задумал! Не выйдет!

И она снова воззвала к Нему из глубины своего отчаяния. Мгла, содрогнувшись, «выплюнула» её за свои пределы.

Глинистая земля была вскопана недавно и ещё не просохла после прошедшего утром дождя. Он пробирался между крупными мокрыми комьями с осторожностью, хотя движений своего тела не ощущал, да и самого тела не видел. С ним поравнялись две...девушки? Обе были в белых сорочках, словно не успели сменить их после ночного сна.

- Уже видно, - сказала одна другой, и они ушли вперёд.

Он проводил их взглядом и тоже увидел. «Город...Белый город вознёс свои стены,» - показалось ему сначала - возможно потому, что он привык к законченности, означающей, что всё имеет очертания, для всего определены границы. Потом он осознал, что там - впереди – ни что иное, как свет, и свет этот не тождественен свету ни от одного из известных ему источников: этот был *живым*, он был...ликующим. Направленность собственного перемещения от него не зависела: он вдруг отклонился в сторону, подумав при этом, что нужно обогнуть осиное гнездо. Он *знал*, что где-то рядом осы, и это знание его не удивляло. Наконец, взрытая земля сменилась травой, зелёной и сочной. В центре этого оазиса Клим увидел массивный письменный стол и сидящего за ним человека – молодого мужчину, телом начавшего уже добреть, но наружности приятной. Подняв голову от лежащих перед ним записей, тот начал говорить, то ли адресуя

сказанное Климу, то ли попросту имея привычку проговаривать свои мысли вслух:

-Женщины – они ведь могут быть как благословением, так и проклятием. Тут важно уловить, когда одно начинает переходить в другое...Позвольте напомнить, как известный живописец, будучи летом 1836 года в Петербурге, был зван в гости к Поэту: «Дети его уже спали, он их будил и выносил ко мне поодиночке на руках. Не шло это к нему, было грустно, рисовало картину натянутого семейного счастья, и я его спросил: «На кой чёрт ты женился?», - произнеся это, он склонился над бумагой и принялся что-то записывать, обмакивая перо в чернила, закончив же, поднял голову и обратился к Климу. - Смотрю, кеньги на Вас, сударь, один в один как те, что увели у меня вместе с редкой рукописью. Вещь, скажу Вам, в обиходе незаменимая – тепло в них, да и сапоги меньше снашиваются. Хотя теперь сожалеть о них повода нет– холодов я здесь не застал. Так вот, женщина... Она влечёт вас, лишает покоя, и вы готовы на всё, чтобы её добиться, покорить, но лишь только неприступная крепость падёт, сдастся на милость победителя, охладеваете: та, что ещё недавно занимала все ваши мысли, начинает тяготить вас. Холод, не так же ли он губит живое, как и огонь? Возможно, так было всегда и это заложено в нашей природе, а значит, в этом нет никакой нашей вины. «Но он не хотел слушать слов её, и преодолел её, и лежал с ней. Потом возненавидел её Амнон величайшею ненавистью, так что ненависть, кото-

рой он возненавидел её, была сильнее любви, которую имел к ней; и сказал ей Амнон: «Встань, уйди.» И позвал отрока своего, который служил ему, и сказал: «Прогони эту от меня вон и запри дверь за ней.» Да, никакой нашей вины... Но почему же тогда следует расплата? Опять же, если говорить начистоту, не лукавя, не кривя душой - так ли виновата женщина? «Неудержанное стремление к злу влечёт мя, действием врага и обычаем лукавым.» Мы отдаёмся стремительному потоку, и видим себя лишь утлым челном, опавшим листом, неумолимо уносимым бурными водами. «Разве может челн этот, разве может какой-то листок сопротивляться такой силе? Нет, и мы от этого всего лишь жертвы обстоятельств,» - так мы оправдываем себя, оправдываем не хуже иного адвоката. Умение вовремя остановиться, обуздать свою натуру... Да, для этого нужна воля, чего бы это не касалось, о чём бы не шла речь. Это, сударь, знаете ли, мудрость, мы же идём на поводу своего «Я», и, напротив, гордимся, что ни в чём себе не изменяем. Этим погубили себя многие, даже лучших не минула чаша сия...

Невидимое течение подхватило Клима и повлекло дальше, отпустив лишь у края глубокого рва, заполненного чёрной вязкой жижей. Слева и справа от Клима в ров заглядывали незнакомые люди, решавшие, видно, что лучше предпринять, чтобы преодолеть возникшее на пути препятствие. Он же *знал*. Присев на корточки, Клим прочертил бороздку, поворачиваясь вокруг своей оси по часовой стрелке. Со

знанием дела отметил: «360 градусов – чтобы можно было вернуться назад.» Оставалось не угодить в напоминающую мазут субстанцию, но больших усилий для этого не потребовалось: она каким-то образом в одно мгновение усохла, и он легко перешагнул через обмелевший чёрный поток. Его внесло в длинный каменный тоннель, а из него - в предбанник ли, в пропускник, а может в приёмную без окон без дверей, где народу уже было, как селёдок в бочке.

-...Я всегда любил, как пахнет воздух после дождя. Мать жарила нам каштаны, - вспоминал кто-то.

-...Она считала это чудом: чудом, предназначенным персонально для неё. Первые числа апреля, кое-где ещё остались лепёшки сероватого недотаявшего снега, а перед ней начинает вдруг порхать бабочка. Садиться на асфальт и расправляет крылья, словно приглашая полюбоваться причудливым на них узором. Поэтому она должна снова её увидеть – как послание. Моё послание для неё.

На этот раз Клим узнал говорившего: он видел его на фотографии. В следующее мгновение Клим вынесло наружу, и теперь они двигались бок о бок – он и сухенький белобородый старец.

-Вы не скажете, отчего меня туда не взяли? - поинтересовался Клим у своего спутника.

-То не твоя вовсе заслуга, а бабушки твоей. Молитвенницей была за всех вас – можно сказать, тебе повезло.

-Помяни, Господи царя Давида и всю кротость его, - про-

говорил вдруг Клим. - Так следовало сказать перед тем, как идти на экзамен.

- Не всё, значит, забыл, чему она учила. Вижу, помогало, - улыбнулся старик.

- Вообще-то, я учил, - собрался было обидеться Клим, но тут же раздумал – ему не терпелось узнать. – Куда все потом – в белый город? Вернее, в свет?

- И во стране учини меня света, идеже есть радость неизглаголанная... Ты пока только идёшь, а вот куда дойдёшь... Может, снова в сторону подашься, - теперь старик смотрел на него строго, без улыбки.

- Триста шестьдесят градусов. Исходная точка, - оповестил вежливый голос, словно объявил станцию метро.

Очнулся Клим на больничной кровати: руки-ноги были целы, оставалось дожидаться результатов обследований, и тогда уже отправляться домой. Вера Петровна, к счастью, не пострадала вовсе, а сидевшая за рулём Ирина получила травмы и лежала сейчас в этом же отделении.

За те несколько дней, что прошли после выписки из больницы, Клим убедился: реальный мир настойчиво напоминает ему о просьбе мира потустороннего. Его просили «передать» в автобусах, магазинах, и даже в такси, услугами которых он решил в конце концов пользоваться, водители обязательно включали канал, на котором граждане просили сделать *это* для своих близких в форме поздравлений и поже-

ланий. Последней каплей, переполнившей чашу странного напитка, всученного ему судьбой, была оставленная на кухонном столе страница, вырванная из журнала «Селянка»: содержащаяся на ней информация была невообразимо разнообразной, как, видимо, и интересы читательниц. Левая колонка, например, носила название «Поэтическая беседка»:

«Такой нездешний тихий свет
Там сладость жизни отрицает:
Душой положен с ним завет.
Страна-потеря, о которой сон напоминает...

В нём всё, как в жизни: сразу не попасть,
Чтобы добраться – та ещё дорога.
Ров. Тесный ход, ведущий в полутёмный зал,
Где, как и здесь, скопление народа.

Там, всё же, можно вспоминать,
Бродя по жизни переулкам:
-Каштаны жарила нам мать,
И дождь стучал по крышам гулко...

-Ты или лжец, или святой:
Каштаны, дождь – даже завидно.
Легко такое вспоминать,
Об этом вспоминать не стыдно...

Там, всё же, можно ожидать,
И отчего ещё не пригласили
Нам не понять здесь:
То ли, чтоб успел «Прости!» сказать,
То ль, чтобы те – за рвом кто- отпустили.»

-Что это? - Клим растерянно тряс перед матерью обнаруженной страницей.

-Рецепт «Антон наоборот». Насилу отыскала: ведь знаю, что должен быть, а вот где именно – хоть убей, не помню.

После домашних средств для смягчения кожи рук, советов юриста, объяснений, почему клеить кафельную плитку самостоятельно – это просто, способа очистить мельхиор при помощи зубного порошка и наглядно показанных «мест расположения основных рефлексогенных зон на теле» действительно приводился рецепт пирога «Антон наоборот».

-На одной странице уместилось всё обо всём. Как у вас, женщин, голова устроена? – нервно осведомился Клим, мать же, не ответив, осторожно высвободила вновь обретённый рецепт из его пальцев. Всерьёз опасаясь, что не сегодня-завтра выходец «с той стороны» может остановить его, положив тяжёлую, как гранитная плита, ладонь на плечо: «Вы передали?», Клим попросил Веру Петровну о встрече. Придя, в мельчайших подробностях описал всё, что запомнил, а после, отдав изложенное на её суд, ожидал реакции, вполне осознавая, как это выглядит: он говорит странные слова

человеку, оглушённому горем. «Вполне ожидаемо получить за такое по морде и быть выгнанным взащей,» - мелькнуло у него в голове. Оставалось сказать последнее:

-Вы её увидите. Как знак...Простите меня, я сейчас уйду. Он поднялся и направился к двери. Его никто не остановил.

Через несколько дней раздался телефонный звонок, и Клим заставил себя на него ответить, решив, что примет всё, что звонивший собирается ему сказать. Звонившая.

-Я... видела. На следующий день после вашего визита я возвращалась от него из больницы – я бываю ...бывала у него каждый день- для того, чтобы, подойдя к дверям в реанимацию, громко сказать, почти крикнуть: «Здравствуйте! Я к Кирееву!» Уверена, они слышат...Так вот, я ехала в пустом автобусе - словно кто-то хотел, чтоб никто и ничто не мешало мне с ним разговаривать (а в последнее время я постоянно с ним разговариваю), и сказала: «Делай, как для тебя будет лучше.» На следующее утро он умер, словно только этих слов и ждал. Так странно...В день похорон было холодно: люди поднимали воротники пальто, кутались в шарфы. Когда говорили прощальные слова, то у говоривших шёл пар изо рта. И тут она... Я осталась у могилы одна, подняла глаза и увидела её. Их, кажется, называют крапивницами. Она сидела на траурной ленте, расправив крылья...Мне вдруг стало спокойно. Спокойствие это было не моим вовсе: его в меня словно влили. Влили, как в сосуд. Словно мне кто-то что-то

сказал, и я это поняла, - она повесила трубку.

Клим стал навещать в больнице Ирину – произошедшая авария их связала. Ирина какое-то время балансировала между жизнью и смертью, и ему, конечно, хотелось её расспросить. Пока он раздумывал, как это лучше сделать, она его опередила:

-Вы...Вы ведь тоже оказались *там*? И было тоскливо и беспросветно, одна лишь мгла?

Он догадался, о чём она.

-Нет, там было ...много всего. Трава, например, зелёная. Вначале мне даже показалось, что я вижу далеко впереди город, - он замолчал, сомневаясь, стоит ли рассказывать об остальном.

-А потом? Чем это оказалось потом? - допытывалась она.

-Я ведь не дошёл... Там много того, что неуловимо для определения, - он решил выбрать благоразумную осторожность.

Вернулась мать Ирины, чему он был рад и поспешил распрощаться.

-Ты будто повеселела, - мать коснулась руки Ирины. – Этот человек принёс тебе добрые вести?

-Знаешь, чем я займусь первым делом, когда выйду отсюда? Наведу порядок, и вообще, не хочу больше ничего упускать, - сообщила Ирина.

-Очередной ремонт? – мать расстроилась. – Это он тебя

надоумил?

-При чём здесь он? Ты просто не понимаешь...

-Тут и понимать нечего. Зря я его пустила...

*Примечание: М.И. Железнов. Брюллов в гостях у Пушкина
летом 1836 года.*

Глава 3. СНЗИЗ.

После аварии Клим решил уйти из «Стиракса». «Вы теперь и без меня знаете, что и как делать,» - сказал он Михею. «Чем займёшься?» -спросил Михей, когда понял, что переубедить друга ему не удастся. «Даже не представляю,» - признался Клим. Вопреки уверенности, что его снова ожидает череда отказов, поиски работы не заняли много времени.

-Я тут поспрашивала у знакомых...Есть вакансии в одном из отделений СНЗИЗ, - сообщила ему мать.

-СНЗИЗ? – напряг память Клим. – Никогда не слышал. И чем же они занимаются?

-Я только знаю, что нужен специалист по составлению отчётности, а тебе это знакомо. Советую поторопиться: не думаю, что это место будет тебя дожидаться.

На то, что удача ему улыбнётся, Клим особо не надеялся, но его приняли.

-Сбор и обработка данных с последующим формированием сводной отчётности для вышестоящей организации –

чрезвычайно важное и ответственное дело, - глядя ему в глаза отчеканила начальница отделения Марфа Петровна - словно сотворила заклинание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.